

упрощенія жизни и физическій трудъ, какъ нравственную основу жизни. Толстой не съ одинаковой силой обрушился на формы эксплуатации—городскую (въ видѣ фабричной промышленности), и сельскую (въ видѣ владѣнія обширными помѣстьями и натурального хозяйства). Въ отношеніи этой послѣдней онъ вспомнилъ свое ученіе о посильномъ приближеніи къ Идеалу. Онъ не порвалъ окончательно съ средой эксплуатирующихъ (мы его конечно и не винимъ за это). По справедливому замѣчанію Кнута Гамсона, посѣтившаго Ясную Поляну, Толстой построилъ свою крестьянскую избу въ барскихъ хоромахъ...

Онъ сталъ заниматься физическимъ трудомъ, онъ лично отказался отъ собственности въ пользу любящей его семьи, онъ свелъ свои личныя потребности до minimumа и, следовательно, призналъ для сельской жизни тактику посильнаго приближенія къ идеалу. На привычныя недостатки и темныя стороны деревенскаго строя жизни онъ охотно закрылъ глаза. Но въ отношеніи къ городу, къ государству, къ капитализму онъ оказался абсолютно строгъ и неумолимъ. Тутъ онъ примѣнилъ всю полноту абсолютной мѣры. Тутъ онъ невольно поддался старой барской психологіи, не хотѣвшей знать ничего за предѣлами деревни: ни фабрикъ, ни рабочихъ, ни купцовъ, ни чиновниковъ, ни парламентаризма, ни новыхъ хозяйственныхъ формъ жизни, явившихся на смену натуральному хозяйству.

Анархизмъ Толстого получилъ своеобразную евангелическо-аристократическую окраску, онъ оказался *нессвободенъ отъ классовой психологіи*. Толстой отвергъ то, что выходило за предѣлы его привычного поля зреіня,—что выходило за предѣлы родного поля и остался не чуждъ старымъ привычкамъ и взглядамъ, таившимся въ подсознательныхъ сферахъ душевной жизни человѣка.

Теперь намъ понятны всѣ основныя положенія и психологические источники его анархической системы.

Правительство Толстой отрицаєтъ; оно является для него организацией господства, союзомъ имущихъ для утвержденія своей власти не на основе права, а путемъ стройной системы насилия. „Можетъ быть государство когда нибудь и было полезно, но теперь, съ течениемъ времени, оно стало излишнимъ, вслѣдствіе смягченія нравовъ“. Поэтому не желательно никакое правительство, даже конституціонное. Все равно богатые сохраняютъ власть путемъ четырехъ способовъ поддержанія насилия: а) страха, б) подкупа, который распространяется на судей, чиновниковъ и другихъ лицъ, в) гипноза идей, поддерживаемаго школой, церковью, продажной прессой и цензурой и в) арміей. Особенно горячо возрастаетъ Толстой противъ всѣхъ формъ религіознаго обмана. Его правдивой душѣ противна всякая эксплуатация религіознаго чувства, въ которомъ вѣдь проявляются высшія потребности нашей души въ правдѣ и добрѣ. Религіозные обманщики и сознательные